

атр братьев Пресняковых» каждая пьеса – оригинальный коктейль, результат творческого незавершенного эксперимента.

1. *Липовецкий М.* Театр насилия в обществе спектакля: философские фарсы В. и О. Пресняковых // Новое лит. обозрение. № 73.
2. *Гончарова-Грабовская С. Я.* Комедия в русской драматургии конца XX – начала XXI века. М., 2006.
3. URL: http://www.selavi.ru/smotr/2004/2004_mhat_zhertva.html
4. *Богданова О. В.* Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90 годы XX века – начало XXI века). СПб., 2004.
5. *Бентли Э.* Жизнь драмы. М., 2004.
6. Литература Урала: история и современность : сб. ст. Екатеринбург, 2006.
7. *Братья Пресняковы.* The best : пьесы. М., 2005.
8. *Голенко Ж.* Бивень слона // Вопр. лит. 2008. № 3.
9. *Ганиева А.* И скучно, и грустно: Мотивы изгойства и отчуждения в современной прозе // Новый мир. 2007. № 3.
10. *Андреев М.* Комедия в драме Чехова // Вопр. лит. 2008. № 3.
11. *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. М., 1978.
12. *Бахтин М. М.* Эпос и роман. СПб., 2000.
13. URL: <http://www.polit.ru/analytics/2007/06/18/idlispresnya.html>
14. *Хендерсон Д. Л.* Древние мифы и современный человек // Юнг К. Г. и др. Человек и его символы. М., 1997.

З. С. Антипина

г. Пермь

Женские рассказы в пермской периодической печати конца XIX – начала XX вв.*

Начало XX века можно назвать временем легитимизации женского писательства. В это время женщины все более проникали в сферу журналистики, литературного труда, в том числе – сферу массовой литературы (достаточно назвать авторов первых русских бульварных романов А. Вербицкую и Л. Чарскую). В Перми женская малая проза, заявившая о себе на страницах местных газет в середине 1910-х годов, также включалась в процессы формирования массовой литературы.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Литературная жизнь провинциального города конца 19 – начала 20 вв.»

© Антипина З. С., 2009

Катализатором литературной активности женщин в провинции стало активное обсуждение в начале 1910-х годов вопроса об их творческих возможностях. В 1909 году в России вышла книга О. Вейнингера «Пол и характер», которая спровоцировала оживленные продолжительные дискуссии о женском творчестве. Так, в 1913 году большой общественный резонанс вызвали статья А. Коллонтай «Новая женщина» и повесть А. Мар «Лампады незажженные» (о трудном творческом пути героини-писательницы). Пермь включилась в дискуссию публикациями произведений уже известных писательниц (рассказы Л. Авиловой в «Пермских губернских ведомостях» и А. Мар в «Искусстве и жизни») и фельетонами о новоиспеченных провинциальных «авторессах» (например, фельетон Юрина «Смысл жизни» [1]). И именно с 1913 года в пермских газетах резко возрастает количество литературных публикаций авторов-женщин. В 1912 году в главной пермской газете «Пермские губернские ведомости» (далее – ПГВ) нами было обнаружено всего три авторских женских рассказа (из них два – перепечатки из столичной печати рассказов Л. Авиловой), в 1913 – уже 15 рассказов, в 1914 – 56, в 1915 и 1916 – примерно по 10 публикаций. В других пермских газетах («Пермская жизнь», «Пермская земская неделя» и др.) произведений женщин-писательниц было меньше, но динамика была аналогичной.

Подавляющая часть женских рассказов в ПГВ принадлежала О. Верзиной (более 40 публикаций в декабре 1913 – январе 1915 годов). К сожалению, каких-либо биографических данных о ней нам не встретилось. Возможно, Верзина не была пермячкой. В пространственно-временных и бытовых реалиях ее рассказов, в отличие от многих произведений пермских писательниц, нет ничего уральского. Кроме того, в это же время в ПГВ публиковались рассказы Владимира Нарбута, вместе с которыми в Пермь из столицы могли поступать и произведения Верзиной. Среди других авторов – очевидно, пермские жительницы О. Субботина, Н. Субботина, В. Лович, Н. Самойлова, Н. Ушакова, Н. Одуевская, О. Федотова, О. Николаева, Е. Щепетильникова. В среднем в течение года каждая из них публиковала по пять-шесть рассказов.

К началу 1910-х годов в Прикамье, на Урале уже существовала традиция женского авторства – можно вспомнить представительниц уральской литературы XIX века Анну Кирпищикову, Екатерину Слобцову-Камскую, Елизавету Гадмер. Кроме того, для всплеска женской литературы в Перми к этому времени сложился некий «кадровый потенциал». Женское творчество до начала 1910-х годов присутствовало в литературных отделах пермских газет, но преимущественно в виде переводов. В частности,

на протяжении 1890-х – начала 1900-х годов активно сотрудничала с ПГВ Елена Александровна Ильина, мать поэта и журналиста Сергея Ильина и писателя и журналиста Михаила Осоргина. Однако переводы Е. А. Ильиной, как и переводы других женщин, чаще всего выходили в газете без подписи. Представление читателю не переводного, а собственного литературного произведения с указанием авторства было новой формой социализации женщины-писательницы.

Рассказы пермских писательниц следовали тенденциям, которые уже успели сформироваться в российской женской литературе на рубеже XIX–XX веков*. Романтическая история, семейный или любовный конфликт в основе сюжета, домашнее, часто очень небольшое, ограниченное пространство, в котором происходит действие, женщина или ребенок в качестве главного персонажа, частного характера отношения героев между собой, подчеркнутая женственность героинь, повышенное внимание к чувствам и переживаниям главных героев, обилие внутренних монологов, утверждение ценности женского присутствия в жизни мужчины – все это приметы женской прозы рассматриваемого времени.

На рубеже XIX–XX веков происходила стремительная массовизация и демократизация прессы, заметно увеличивалась читательская аудитория (за счет городского низового и сельского населения), которая в большей или меньшей степени могла влиять на содержание газетных материалов**. Провинциальная беллетристика совпадала с газетой в стремлении соответствовать ожиданиям читателей и приобретала черты, сближающие ее с традиционной массовой культурой. Женская газетная проза очевидно поддерживала социальную традицию, стереотип как на содержательном уровне, так и на уровне формы. Первое выражалось в отчетливой нравственно-дидактической установке женских рассказов, поддержании устоявшихся общественных ценностей. Подчеркнем, что сфера воспитания, сохранение жизненных устоев привычно воспринимались легитимными для женщин. Второе – в использовании узнаваемых образов из классических литературных произведений, распространенности речевых клише, воспроизведении архетипических моделей.

Основная проблематика пермской женской прозы – нравственно-психологическая. Даже острые социальные проблемы, которые могут

* Характеризуя женскую прозу конца XIX – начала XX веков, мы опираемся на исследования тверских филологов Н. А. Голубевой, И. П. Олеховой, Е. Н. Строгановой [2; 3; 4; 5].

** О массовизации периодической печати в конце XIX – начале XX веков см.: [6].

явственно обозначаться в рассказе, под женским пером становятся только фоном для разработки нравственной проблемы. Например, в рассказе «Спасла» [7] основное действие – это спасение негритянской молодой сына хозяина плантации накануне поджога дома плантатора работниками-неграми. При этом автор о собственно социальном конфликте (угнетение темнокожих рабочих) заявляет в самом начале рассказа, но по ходу повествования сводит эту тему на нет, мотивируя поступки негритянки исключительно симпатией к приветливой улыбке молодого человека: «Эта улыбка зачаровала Нелли». Таким образом, частная, личная мораль оказывается для героини (как и писательницы) важнее абстрактной социальной справедливости.

Дидактизм женских рассказов отчетливо проявляется в построении сюжета, который предлагает читателю единственно верную модель поведения в конфликтной житейской ситуации. Это особенно характерно для рассказов периода Первой мировой войны, где акцент делается на нравственном выборе героя, но не на проблеме выбора (ее в таких случаях нет вообще), а на оценке этого выбора. Конфликт в отношениях персонажей разрешается верным, с точки зрения морали, выбором одного из героев («Проводы на войну» [8], «Два брата» [9]). Другая особенность сюжетной организации рассматриваемых женских рассказов заключается в частом обращении к мотивам тайны, интриги, в остроте переживаний, которая может повлечь за собой смерть героя. В рассказе «Ценою жизни» [10] обманутый муж, желая сохранить семью и скрывая свою осведомленность, умирает от сердечного приступа. Юный герой рассказа «Друзья» [11], увлеченный дружбой обаятельного взрослого, невольно спасает от ареста австрийского шпиона.

Морализаторская установка прослеживается и в изображении главных героев, почти всегда однозначно нравственных или безнравственных, добрых или злых, преданных или неверных. Описание внешности и характера героинь часто соответствует известным типам «злодейки» или «добродетельной скромницы». У первых тщательнее описана внешность, и они безусловно прекрасны либо безусловно непривлекательны. Портрет «злой чаровницы» в рассказе «Спаситель» [12] представляет собой набор формул: «очаровательная головка», огромные глаза с «длинными черными ресницами», «маленькие ножки в атласных башмачках», «ироничная улыбка». Положительные героини более активны, деятельны, они всегда добродетельны: скромны, добры, верны мужу и делу, как фельдшерлица в рассказе «Закружил» [13], патриотичны, как Марьюшка в одноименном рассказе [14], которая «добровольно отдавала на служение Родине»

своего жениха. Часто носителями идеальной нравственности в женских рассказах становятся дети или подростки. Особенно это характерно для произведений, сюжет которых мотивирован военными событиями. При этом особенности детской психологии или объективные обстоятельства могут писательницей не учитываться. Например, в рассказе «Проводы на войну» [8] девятилетний мальчик по-взрослому решительно прерывает общение с горячо любимым старшим братом, думая, что тот при начавшихся военных событиях остается дома. В рассказе «Два брата» [9] в рядах действующей армии, на поле боя рядом со своим старшим братом оказывается юный гимназист.

Газетной литературе, и женской прозе в частности, свойственно активное использование различных информационных поводов – от календарных праздников до значительных общественных событий. Одним из традиционных жанров малой газетной прозы рубежа XIX–XX веков был святочный рассказ. В провинциальной печати иногда почти весь праздничный номер состоял из рождественских рассказов, легенд и стихотворений. В числе главных жанровых особенностей святочного рассказа – мотив чуда. Но в пермской литературе женские рассказы, приуроченные к святкам, часто снижают, обытовляют «чудесное», вместо духовного преображения героев часто изображая любовную историю со счастливым финалом. Так, в рассказе «Братья» [15] на Рождество счастливо разрешается любовный треугольник. В рассказе «Рождественский ангел» [16] ангелом оказывается мама, «ангельская сущность» которой состоит в том, что она подарила сыну множество долгожданных подарков.

Первая мировая война спровоцировала появление на страницах пермских газет множество литературных и публицистических материалов патриотического содержания. В женских рассказах, связанных с военной тематикой, отчетливо прослеживается еще одно свойство, способствующее сохранению стереотипов, – это воспроизведение архетипических моделей*. Немецкие солдаты здесь представлены воплощением зла – множественным, безликим, жестоким, русский солдат – воплощением добра, героем, который совершает подвиг в одиночку и с видимой легкостью. В рассказе «В фольварке» [18] «чужим солдатам со зловещими деревянными лицами» противопоставлено «широкое добродушное лицо русского солдата». Задача таких рассказов очевидна – представить героизм и праведность собственных воинов и несправедность врага.

* О моделирующем воздействии архетипов на общество писал Е. М. Мелетинский [см.: 17].

Еще одна черта рассматриваемых рассказов – это использование известных сюжетов, образов, мотивов из русских и зарубежных литературных произведений. Например, встреча на улице персонажей рассказа «Дело житейское» [19] – «тщедушного человечка», отца многодетного семейства и «солидного господина» в бобровой шапке отсылает к известному рассказу А. Чехова. А рассказ «Спасла» [7] воспроизводит образы и детали давно освоенного русским читателем романа Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». Правда, в тексте рассказа отчетливы русские традиции в изображении барского отношения к крестьянам и дворне, а описание «черненького личика» героини очень напоминает описание «беленького личика» хорошенькой русской девушки.

Женская проза в пермской газете рубежа XIX–XX веков, следуя за демократизацией и массовизацией прессы, стремилась не просто быть понятной массовому читателю, но воспитать его и привить литературный вкус. Происходило это за счет воплощения в женских рассказах консервативных социальных и нравственных представлений, моделирования правил поведения в различных житейских ситуациях, «украшения» сюжета драматическими коллизиями, использования узнаваемых литературных образов. Женская газетная проза, где соединились литературность, массовость и ориентированность на сохранение и воспроизведение традиции, отработывала приемы формирующейся массовой литературы, включаясь в историко-литературный процесс рубежа XIX–XX веков.

-
1. Юрин. Смысл жизни // Перм. губерн. ведомости. 1913. 13 янв.
 2. Голубева Н. А. Литературное творчество Л. А. Авиловой : дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006.
 3. Олехова И. П. Беллетристика О. А. Шапир: особенности проблематики и поэтики : дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005.
 4. Строганова Е. Н. «Некто из толпы»: автобиография и биография Е. П. Свешниковой // Жен. и гендер. исслед. в Твер. гос. ун-те. Тверь, 2000.
 5. Строганова Е. Н. «Пропущенная глава»: Женское писательство в России XIX века: российский опыт изучения // Гендер. исслед. 2005. № 13.
 6. Дубин Б., Рейтблат А. Государственная информация и массовая коммуникация: [Электронный документ] // Отеч. зап. № 4. 2003. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=13&article=600/> (дата обращения: 20.11.2008).
 7. Верзина О. Спасла // Перм. губерн. ведомости. 1914. 11 апр.
 8. Верзина О. Проводы на войну // Перм. губерн. ведомости. 1914. 3 сент.
 9. Верзина О. Два брата // Перм. губерн. ведомости. 1914. 24 сент.
 10. Верзина О. Ценою жизни // Перм. губерн. ведомости. 1914. 16 апр.
 11. Субботина Н. Друзья // Перм. губерн. ведомости. 1914. 23 мая.
 12. Верзина О. Спаситель // Перм. губерн. ведомости. 1914. 4 авг.

13. *Щ-ва Е. К.* Закружил // Перм. губерн. ведомости. 1897. 30 дек.; 1897. 31 дек.
14. *Субботина О.* Марьюшка // Перм. губерн. ведомости. 1914. 13 сент.
15. *Верзина О.* Братья // Перм. губерн. ведомости. 1914. 6 апр.
16. *М-ская А.* Рождественский ангел // Перм. губерн. ведомости. 1897. 25 дек.
17. *Мелетинский Е. М.* Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов // Вопр. философии. 1991. № 10.
18. *Верзина О.* В фольварке // Перм. губерн. ведомости. 1914. 8 окт.
19. *Верзина О.* Дело житейское // Перм. губерн. ведомости. 1914. 23 янв.

Е. Г. Белоусова
г. Челябинск

О двойственной природе горьковского слова («Жизнь Клима Самгина»)

Как известно, «Жизнь Клима Самгина» явилась для Горького результатом труднейших поисков «иной» стилевой формы. «*Антиномично-подвижная*»*, складывающаяся в результате взаимодействия противонаправленных стилевых тенденций («*определенности*» и «*неопределенности*», «*собирания*» и «*разрушения*»)**, она оказывается удивительно созвучной и невероятно сложному, неустойчивому составу горьковского «я», и окружающей его действительности, и специфической романной форме, сочетающей в себе признаки эпического и экзистенциального повествования [2, с. 245–258]. И, конечно, активнее всего оригинальное авторское видение мира и стилевой способ его творения – создание сложнейших по своей внутренней противоречивости «узлов» и полемических звучаний – открывает в произведении само слово художника.

Начнем с того, что образуется оно путем скрещения подчеркнуто разных и даже конфликтующих между собой речевых потоков. Наиболее значимыми среди них, безусловно, являются слово Самгина («внутреннее» – о себе самом и «внешнее» – о мире), а также сопровождающее его слово повествователя. Последнее и оказывается в «Жизни Клима Самгина» тем главным «орудийным средством» (О. Мандельштам), с помощью которого автор воплощает в тексте свое «я», а творимая им стилевая

* Здесь и далее, в том числе и в цитатах, курсив наш. – Е. Б.

** Развернутое обоснование природы горьковского стиля см.: [1, с. 142–148].

© Белоусова Е. Г., 2009